

DOI: 10.15372/HSS20200212
 УДК 94(571.1)"1930/1940"

В.Б. ЛАПЕРДИН

«ЧИСТКИ» В КОЛХОЗАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В 1930-е гг.

Институт истории СО РАН,
 РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается проблема исключения колхозников из сельхозартелей («чистки») в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг. Автор статьи выделяет в современной историографии два подхода к изучению темы. Согласно первому, чистки являются административно-репрессивным давлением государства на деревню. Второй подход связан с изучением внутриколхозного социума и анализом происходивших в нем процессов. Цель статьи – на примере материалов по Западно-Сибирскому краю показать возможность реализации обоих методологических подходов, а также ответить на вопрос – какой из них кажется наиболее приемлемым? В статье показано, что раскрытие данной проблематики будет зависеть в первую очередь от подхода самого исследователя и используемых им архивных источников. Политика государства в отношении деревни на протяжении 1930-х гг. изменялась. Поэтому немаловажную роль играет выбранный для исследования период. Время ужесточения административно-репрессивных акций сменялось периодами их ослабления. В зависимости от этого изменялся и характер чисток. Периоды спада репрессий и ослабления нажима на деревню создавали возможность для колхозников без давления извне регулировать отношения внутри своих коллективов. Чистки использовались ими как способ решения возникающих в колхозном социуме конфликтов. На это указывают работы по социальной истории. Политика руководства страны и произвол местных властей не исключали «творчества» колхозных масс, решавших при помощи чисток проблемы колхозного социума.

Ключевые слова: крестьянство, чистки в колхозах, аграрная политика государства, репрессии, колхозный социум, Сибирь.

V.B. LAPERDIN

PURGE IN COLLECTIVE FARMS OF WEST SIBERIAN REGION IN 1930S.

Institute of History SB RAS,
 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article discusses the problem of collective farmers' exclusion from agricultural cartels («purge») in West Siberia in the 1930s. The author distinguishes two approaches in modern historiography to study the topic. According to the first one, purges were instruments of the state administrative and repressive pressure. The second approach is related to research of the collective farm society and processes taking place in it. The article objective is to show the possibility of implementing both methodological approaches using documentary materials of West Siberian Region; to answer the question – which approach seems the most acceptable? The article shows that the study of the issue will depend primarily on the approach of a researcher and archival sources he used. The state policy in the countryside during the 1930s varied. Therefore, the period chosen for studying plays an important role. Periods of tightening administrative and repressive actions were changed by periods of their weakening. Depending on this, the nature of the purges changed as well. Periods of weakening pressure on the village created an opportunity for collective farmers to regulate relations within their collectives without external pressure. Purges were used by them as a way to resolve conflicts arising in the collective farm society. This is pointed out in the works on social history. Policy of the state leadership and arbitrariness of local authorities did not exclude the “creativity” of collective farm masses, which solved the problems of collective farm societies using purge instruments.

Key words: peasantry, purge in collective farms peasantry, agrarian policy, repressions, collective farm society, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Исключения колхозников из сельхозартелей, названные «чистками» от «антисоветских элементов», стали перманентным явлением для советской деревни

1930-х гг. Они начались вместе с коллективизацией и массовым вступлением крестьян в колхозы и продолжались на протяжении всего десятилетия. Любые хозяйственно-политические кампании (заготовки

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: laperdin2011@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4827-8741>

Vyacheslav B. Laperdin – Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

сельскохозяйственной продукции, коллективизация, раскулачивание и т.д.) в той или иной степени сопровождалась чистками. Идеологически они обосновывались сталинской концепцией обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Главные враги пролетарского государства в деревне – кулаки и их помощники из числа несознательных крестьян – подкулачники, по мнению властей, вступая в колхозы, разваливали коллективное хозяйство изнутри, срывая намеченные сроки выполнения сельскохозяйственных кампаний и нанося вред общественному производству. Именно таких врагов, действующих «тихой сапой», выявляли во время чисток. Руководили этим процессом представители советской власти в деревне – члены сельсоветов, работники партийных и хозяйственных организаций, а также политотделов МТС в 1933–1934 гг. Они помогали колхозникам выявлять в своей среде «скрытых врагов» и исключать их из колхозов.

Процесс чистки формально носил весьма демократичный характер. Согласно Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1935 г., исключению подлежали те колхозники, чью «вину» удалось доподлинно установить, и только после обсуждения каждой отдельной кандидатуры на колхозном собрании при участии не менее 2/3 членов артели. Хотя в уставе 1930 г. ничего не говорилось об исключениях из колхозов, но до 1935 г. чистки далеко не всегда носили характер властного произвола и проходили в том числе на колхозных собраниях. Впрочем, имели место и многочисленные случаи исключений из колхозов по распоряжению председателя, членов правления или же прибывшего в артель уполномоченного райкома или крайкома. Исключить из колхозов могли и без участия представителей местной власти. Тогда в качестве инициаторов выступали сами колхозники, намечая кандидатуры, обсуждая их и вынося решения на колхозных собраниях. Областные, краевые и центральные органы власти следили за соблюдением формальных правил процесса чисток, регулярно указывая местным властям на допущенный ими произвол и квалифицируя его в качестве «администрирования» или «левых перегибов».

Фактически «вычищенные» кулаки являлись обычными колхозниками, ничего общего не имевшими с классом эксплуататоров в доколхозной деревне. Исключить могли за любые провинности: бесхозяйственность и безалаберное отношение к своим обязанностям, причастность к падежу скота, некачественный ремонт инвентаря. Членов правления часто обвиняли в срыве заготовок, «разбазаривании» хлеба до выполнения государственных обязательств путем использования его на внутрихозяйственные нужды или раздачи колхозникам в качестве аванса. Зачастую уличали в присвоении колхозных средств. Этим не ограничивается широкий перечень провинностей. За любую допущенную оплошность могло последовать обвинение в принадлежности к кулачеству, а затем – исключение из колхоза. Таким способом власти пытались контролировать колхозные массы, «воспитывая» их в духе

правильного отношения к общественной собственности и обязательствам перед государством. При этом колхозники являлись не простыми статистами в разворачиваемом представлении, а выступали в качестве активных участников, вовлекаясь в такой процесс на колхозном собрании. Этим власти обеспечивали легитимность чисток, их видимую поддержку со стороны населения.

Работ, специально посвященных чисткам в колхозах, в отличие от партийных чисток, чисток в РККА, органах госбезопасности или хозяйственно-политических организациях, нет. Тем не менее чистки часто упоминаются в исследованиях по аграрной истории 1930-х гг. Проводить специальный историографический обзор с целью раскрытия темы в данной статье считаем нецелесообразно, однако следует выделить два основных подхода к изучению колхозных чисток в современных исследованиях. Первый основан на отечественной историографической традиции 1990-х гг. Наибольший вклад в ее развитие внесли Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин [1; 2; 3]. Для них и их последователей чистки являлись частью административно-репрессивного давления на сельских жителей со стороны государства и одним из способов повышения колхозной дисциплины, необходимой для выполнения хозяйственно-политических кампаний. Сами же колхозники оказывались жертвами репрессивной государственной машины. При этом неважно, как исследователи оценивали крестьянский социум – как «единый фронт», действовавший против государства, или же видели в нем лишь разобщенные социальные группы. Крестьянство негативно относилось к вмешательству в сельскую жизнь со стороны властей, как и к любым государственным преобразованиям, ломающим многолетние устои. Чистки воспринимались им как попытка поставить колхозный социум под государственный контроль. Единственным оружием колхозников в борьбе с властями оставалось пассивное сопротивление, выражавшееся в молчаливом несогласии на колхозных собраниях.

Второй подход можно обнаружить в работах по социальной и социокультурной истории. Не отрицая факта административно-репрессивного нажима, исследователи обращают большее внимание на колхозный социум, анализируя происходящие в нем процессы и пытаясь ответить на вопрос: какое влияние оказывали на него чистки? Ш. Фицпатрик считает, что чистки, как и инициированные самими колхозниками исключения, являлись стремлением наказывать дворы, не способные нести свою долю общего бремени в колхозах. Колхозный коллектив, унаследовавший от крестьянской общины старую традицию круговой поруки, таким способом избавлялся от неугодных членов [4, с. 132]. Д.Г. Кедров рассматривает чистки как способ интеграции колхозного крестьянства, переживавшего кризис идентичности, с властями [5, с. 142].

В данной статье предпринята попытка не только восполнить историографический пробел, но и показать на материалах Западной Сибири возможность реали-

зации обоих историографических подходов при изучении колхозных чисток, а также ответить на вопрос: какой из них представляется наиболее приемлемым?

ЧИСТКИ КОЛХОЗОВ КАК ЧАСТЬ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Административно-репрессивный нажим был наиболее ярко выражен во время колхозных чисток первой половины 1930-х гг., достигнув пика в «политотдельский» период 1933–1934 гг. Тогда в полной мере проявилось своеволие местных властей, поддерживаемое со стороны центрального руководства страны. В такой ситуации исключение из колхозов стало проводиться для контроля и «социалистического перевоспитания» колхозных масс. В отдельных случаях, когда цель уже не оправдывала средства и чистки из воспитательной и хозяйственной меры превращались в произвол, приходилось вмешиваться региональному руководству. Болезнью «левых перегибов» страдали как районные власти, так и работники политотделов МТС. Весной 1933 г., когда шла подготовка к новой кампании по раскулачиванию [6, с. 97–100], в поле зрения регионального руководства попала работа администрации Тюкалинского района. Вместо изданного ранее распоряжения краевого комитета партии наметить к выселению отдельные кулацкие хозяйства из числа единоличников и колхозников и проведения подготовительной работы к новой кампании районные власти устроили массовую чистку в колхозах. Выехавшие на места районные уполномоченные, совместно с руководством сельсоветов, находили «явно кулацкие хозяйства» из числа колхозников и выносили решения об их исключении из артели и выселении. Новая кампания, по мнению районного руководства, достигла своей цели. Бюро Тюкалинского райкома на заседании 5 апреля 1933 г. утверждало: «После чистки колхозов от чуждых элементов чувствуется подъем трудовой дисциплины у колхозников»¹.

Как позже выяснила работавшая в районе комиссия крайкома, «окулачивание» происходило произвольно, «... на основании безответственных словесных заявлений, непроверенных, часто на основании личных счетов и т.п.»². В целом по району было признано кулацкими 155 хозяйств, из них 140 состояли в сельхозартелях³. Решения, принятые на колхозных собраниях по поводу исключения того или иного хозяйства, носили формальный характер. Об этом рассказывали сами колхозники: «<...> к нам приехали 4 человека <...> собрали собрание, назвали фамилии намеченных к окулачиванию, спросили: «Есть ли возражения?» Мы так же сидели и молчали, как и молчали в начале разговора с вами, они (комиссия) заявили, что принято, и уехали»⁴. На административный характер

чисток и отсутствие участия в этом процессе колхозников указывала проведенная позже работа комиссии крайкома. Посещая колхозные собрания, члены комиссии сталкивались с молчаливым безразличием к происходящему со стороны колхозников, совсем недавно ставших свидетелями работы других представителей власти, руководивших исключениями. С большим трудом комиссии удалось выяснить скрытое отношение к недавним событиям опрашиваемых членов сельхозартели: «На самом же деле колхозники недовольны, носят в себе затаенную обиду, которая высказывается только после продолжительных попыток вызвать на откровенность, на разговор. Так, в колхозе села Кошкуль в полевой бригаде мы, побеседовав с колхозниками о ходе посевной кампании, когда же начали задавать вопросы, связанные с окулачиванием, а из этого колхоза было исключено и окулачено 13 хозяйств из 67-ми, состоявших в колхозе (то есть 20 %), то колхозники замолчали, как будто бы набрав воды в рот. Мы потратили очень много усилий, практиковали различные методы подхода, чтобы вызвать их на разговоры, но колхозники отвечали упорным молчанием. И только под конец нам удалось их раскатать, и они так заявили: «Так что, по правде сказать, исключили и окулачили многих зря» и потом начали называть фамилии»⁵.

По итогам работы комиссии и согласно принятому на их основании постановлению бюро Западно-Сибирского крайкома большинство исключенных были вновь восстановлены в сельхозартелях, а активные участники чисток из числа представителей районной администрации и сельсоветов, привлечены к партийной и судебной ответственности⁶.

Многочисленные примеры изложенной выше схемы административного характера колхозных чисток в различных ее вариантах дают материалы работы политотделов МТС. При проведении чисток сотрудники политотдела Пригородной МТС, функционировавшей в Барнаульском районе, также пошли на массовые фальсификации при составлении характеристик на намеченных к исключению колхозников. Предварительная работа проходила при участии представителей политотдела, председателей колхозов, секретарей партийных ячеек и сельсоветов с привлечением местных активистов. Результатом их работы стали справки о кулацкой характеристике хозяйств, которые не глядя подписывались активистами. Колхозник сельхозартели «Мировой Октябрь» показывал: «Меня вызвали на сов[етскую] квартиру и спросили по списку, знаю ли я этих гр[ажд]ан. Я ответил, что знаю, тогда меня попросили находиться у них при сов[етской] квартире, где я пробыл почти трое суток, их человек 5, писали какие-то справки, и после того как кто вперед напишет, давали мне расписываться, которую справку зачтут, которую нет – для меня все равно, я их подписывал, но сейчас я узнал, что в справках чересчур много

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 528. Л. 85 об.

² Там же. Л. 83.

³ Там же. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 86 об.

⁵ Там же. Л. 86–86 об.

⁶ Там же. Л. 78.

лишнего написано – я отказываюсь от этих справок»⁷. Позже намеченных к исключению обсуждали на колхозных собраниях, однако отстоять ту или иную кандидатуру односельчане не имели возможности, так как голосовали «списком». В уже упоминавшейся артели «Мировой Октябрь» собрание было заранее подготовлено и проходило по спланированному сценарию. Колхозный актив оповещен и специально рассажён по всему залу в разных местах. Когда началось обсуждение намеченных к исключению и колхозники пытались в выступлениях защищаться, их прерывали выкриками из различных сторон помещения активисты: «Ты брось вилять, знаем тебя», создавая ощущение противостояния колхозника, отстаивавшего свою невиновность, и коллектива. Затем последовали ответные выступления активистов по поводу намеченных кандидатур и голосование⁸. Таким способом на собрании искусственно создавалась атмосфера участия колхозных масс, «самоочищающихся» от кулаков. Во всяком случае, именно так в документах политотделов и райкомов, адресованных вышестоящим инстанциям, подавались чистки.

Всего за 1933 г. из колхозов Пригородной МТС было исключено 573 хозяйства⁹. Однако основная цель – повышение колхозной дисциплины – так и не была достигнута. В условиях, когда собрания превратились, по выражению заместителя начальника политсектора краевого земельного управления Воронина, в «субботник по очистке колхоза от колхозников», крестьяне ответили на действия местных властей оружием слабых. Опасаясь исключения, они перестали выходить на работу либо покидали место жительства. Только после вмешательства краевого руководства, обеспокоенного снижением уровня коллективизации в районе, и отстранения руководителей политотдела Пригородной МТС от занимаемых должностей ситуацию удалось исправить.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют административно-репрессивное давление на село. Государство осуществляло нажим на колхозы, стремясь повысить производительность труда и добиться «социалистического перевоспитания» колхозных масс. Пассивное сопротивление со стороны колхозников в корне не меняло ситуацию. Даже не голосуя «за» исключения, они все равно вовлекались в колхозные собрания в роли молчаливых слушателей. Не добившись активного участия в «разоблачении» односельчан, власти достигали иной цели – на следующий день, как правило, вся артель выходила на работу. Причастные к исключениям активисты, как следует из изложенного выше материала, представляли меньшинство, хотя и хорошо организованное. Но кем они являлись: предателями крестьянских ценностей или частью сельского социума, такими же крестьянами, которые отличались от других жителей деревни несколько иной самоиден-

тификацией, связанной с отношением к власти? Для исследователей данный вопрос остается открытым. Для самих же крестьян порой этого оказывалось достаточно не только для неприязни, но и для расправы над односельчанами. Так, весной 1934 г. была убита активистка одной из артелей Любинской МТС за критическое выступление на колхозном собрании во время чистки¹⁰. Подобного рода факты используются представителями тоталитарной школы исследователей для обоснования своей концепции: крестьянство, хотя и стало жертвой, но не желало прощать как предательства своих, так и вмешательства со стороны государства.

ЧИСТКИ КОЛХОЗОВ И КОЛХОЗНЫЙ СОЦИУМ

Действительно ли административный производил оказывал столь удручающее воздействие на колхозные массы, заставляя замолчать даже наиболее смелых критиков власти? Или он открывал новые возможности для реализации колхозным социумом собственных интересов, направленных против тех, кого принято считать ренегатами? В 1933 г. политотдел Андреевской МТС Карасукского района проводил чистку от кулацких элементов колхоза им. Ярославского в с. Саратовке. Вот только «пролезшими» в артель вредителями оказались не бывшие наниматели батраков и владельцы сельхозтехники, а местная партийная ячейка, состоявшая из десяти членов и кандидатов в члены ВКП(б). Пользуясь расположением со стороны районных властей, они заняли руководящие должности в артели, назначив своих родственников и близких на наиболее «хлебные» места. Впоследствии их премировали, скрывая это от остальных колхозников. Отсутствие нормального учета трудодней приводило к тому, что руководящей группе начислили значительно больше по сравнению с основной массой колхозников, а свободный доступ к колхозным фондам позволял увеличивать нормы выдачи на трудодни хлеба, мяса и шерсти для «своих». Практиковалось и банальное воровство – ссыпаемый в амбары хлеб полностью не учитывался, зарезанный скот списывался на падеж. Полученные таким способом дополнительные фонды в документах не значились и распределялись между членами партийной ячейки и их приближенными. Остальные колхозники не могли противостоять руководству – их запугивали, штрафовали, избивали или исключали из артели. Районные власти доверяли правлению колхоза, поэтому обращаться с жалобами было бессмысленно.

Положение изменилось с появлением политотдела в Андреевской МТС. Заместитель начальника политотдела Воронин следующим образом описывает свое прибытие в колхоз: «Теперь сибирская деревня ожила. Она встретила решение партии о создании политотделов с большой радостью. По приезду в колхоз представителя политотдела окружает огромная толпа колхозников, ему составляются десятки заявлений

⁷ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 176. Л. 94.

⁸ Там же. Л. 161.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 70.

с изобличением в воровстве и вредительстве правления и отдельных жуликов. Потом громко и до утра выступают на собраниях. Так было и в с. Саратовке. Деревня колхозная активно взялась за борьбу, чтобы вышибить оттуда вредительские элементы. Саратовские колхозники решили вышибить вредителей, врагов народа по указу от 7 августа и вышибли»¹¹. За пафосом и явным преувеличением скрывается любопытный момент: колхозники сами обратились за помощью к работнику политотдела. После чего он занял сторону рядовых колхозников, а не ячейки ВКП(б), «вычистив» ее членов из партии и колхоза.

Между тем руководство политотдела Андреевской МТС нельзя назвать «либеральным» (в понимании того времени, мягко относившимся к нарушителям социалистической законности и невыполнению государственных обязанностей). Эти люди олицетворяли собой совершенно противоположный тип руководителей, склонных к решению проблем административным путем. Позже бюро Западно-Сибирского крайкома осудило их за роспуск колхозной ячейки. Кроме того, в подписанной начальником политотдела директиве председателям колхозов, агротехникам и помощникам директора МТС дозволялось производить аресты через сельсоветы. Причем руководство политотдела поссорилось с властями Карасукского района, обвинив их в потакании колхозным вора и жуликам¹².

Разбирая возникшую склоку, крайком неоднократно вызывал в Новосибирск начальника политотдела Саркиса, который не хотел ехать в город, что привело к нескрываемому раздражению первого секретаря крайкома Р.И. Эйхе, заявившего на заседании бюро: «... должен прямо сказать, что я не отказался бы через аппарат тов[арища] Алексева¹³ Вас привезти»¹⁴. Тем не менее Саркис, как и его заместитель Воронин, отделились только партийными выговорами.

Проводившаяся политотделом чистка в колхозе им. Ярославского наглядно демонстрирует, как репрессивный нажим со стороны государства, осуществлявшийся типичными сталинскими администраторами, привел к смещению колхозного руководства, состоявшего из членов и кандидатов в члены ВКП(б), не пользовавшегося авторитетом у большинства колхозников. На этот раз жертвами стали сельские активисты, а не их недоброжелатели-односельчане или рядовые нарушители трудовой дисциплины. В данном случае колхозный социум избежал чистки, перенаправив репрессивный удар в нужном ему направлении, что совпадало с целями государства – политотделы МТС проводили чистки не только среди рядовых колхозников, но и среди партийных ячеек [7, с. 118–124].

Изменение государственной политики в отношении деревни накладывало свой отпечаток на процесс

чисток. В середине 1930-х гг. произошло смягчение давления государства, выразившееся и в упорядочивании чисток. Как было сказано выше, принятый в 1935 г. новый Примерный устав сельхозартели строго предписывал проводить исключения только на колхозных собраниях с участием 2/3 ее членов. Объектами чисток все чаще становились не рядовые колхозники, а председатели и члены правления. 16 января 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили проект по аграрному развитию северных районов Западно-Сибирского края [8, с. 419–422]. Кроме хозяйственных планов, он предполагал ряд социально-политических мероприятий, в том числе чистку в колхозах. Региональное руководство по ряду причин считало их засоренными «антисоветскими элементами». На севере края зачастую не происходило выселение раскулаченных крестьян. Они оставались в пределах районов своего прежнего проживания. По имеющимся у крайкома данным, сюда бежали спасавшиеся от выселения крестьяне других районов. Во время коллективизации они вступали в колхозы и занимались в них антисоветской агитацией. В 1933–1934 гг. политотделы МТС провели значительную работу по чистке колхозов Западно-Сибирского края. Однако, поскольку большая часть сельхозартелей северных районов находилась вне зоны деятельности МТС, а многие из тех, что входили, были созданы уже после окончания «политотдельского» периода, то они не подвергались проверкам. По мнению властей, «большинство колхозов северных районов <...> не сумели еще в достаточной мере укрепить и воспитать в колхозах новое отношение к труду и к колхозной собственности»¹⁵. Иными словами, степень крестьянского сопротивления здесь была выше, чем в других частях региона.

Административно-репрессивные меры предполагалось применять не ко всему колхозному населению, а только к руководящей верхушке артелей. Заниматься этим на местах должны были специально созданные комиссии, состоявшие из первых лиц района: секретаря райкома, председателя райисполкома, заведующего районным земельным отделом и представителя НКВД. В зоне действия МТС к работе привлекались заместители директоров МТС по политической части. Комиссия намечала кандидатуры к «вычищению», после чего их должно было обсудить колхозное собрание и вынести по каждой кандидатуре персональное решение. Характерной чертой кампании было то, что колхозные руководители подвергались исключению за допущенную бесхозяйственность, невыполнение государственных обязанностей, антисоветские высказывания или злоупотребления служебным положением, а не за связь с кулачеством. В расчет принимались личные и деловые качества работника, родственные отношения отошли на второй план.

В условиях оказываемого комиссией по чистке давления у колхозников срабатывал защитный рефлекс. Они могли заранее договариваться не выступать

¹¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 440. Л. 29 об.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Имеется в виду Н.Н. Алексеев – полпред ОГПУ по Западно-Сибирскому краю.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 440. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 869. Л. 81.

с критикой своих односельчан, намеренно проявляли безынициативность при обсуждении, отклоняли во время голосования намеченные кандидатуры. Районное руководство все же находило возможности «продавливать» свои решения. В колхозе «Ясное поле» Тяжинского района колхозники оказались взяты измором – собрание продолжалось 12 часов. Намеченные к исключению трижды выносились на голосование: в первый раз «за» было подано 23 голоса из 104, во второй – 42 и в третий – 74¹⁶.

Однако относительная демократичность процесса чисток и безопасное положение рядовых колхозников позволили вовлечь колхозные массы в процесс обсуждения работы председателей и правлений. Собрания стали удобной площадкой для разрешения конфликтов в колхозном социуме, поэтому на многих собраниях наблюдалась высокая активность. В первую очередь коллективы воспользовались случаем смещения неугодных руководителей, действующих авторитарными методами и не учитывающих мнение рядовых членов сельхозартелей. В колхозах Чаинского района были распространены следующие высказывания: «Вот бы так года два тому назад, да почаще так приезжали, мы бы уже сейчас были другими, а то наши руководители с нами не считаются, когда мы говорим о непорядках, говорят, что не ваше дело, не суйте свой нос, раз нас поставили руководить»¹⁷. В ходе чистки среди колхозников раздавались призывы к усилению внутриколхозной демократии и увеличению ответственности руководящего состава. В том же самом районе один из колхозников заявил: «Нужно чаще слушать доклады правления колхоза, тогда бы меньше было недостатков, а то все живем кто как хочет, поэтому и получается такое безобразия»¹⁸.

Чистка открывала рядовым колхозникам возможность сместить с руководящих постов засидевшихся там односельчан, что увеличивало шансы на продвижение в колхозной иерархии. В колхозе «Ясное поле» Тяжинского сельсовета председатель ревизионной комиссии, кладовщик и бригадир, действуя сообща, на длительное время закрепили за собой занимаемые должности, меняясь ими при проведении переназначений и таким образом препятствуя выдвижению других членов сельхозартели. Раскрыв их схему, комиссия по чистке исключила троицу руководителей, прибавив обвинения в бесхозяйственности и воровстве¹⁹.

Недовольные заработком колхозники могли обвинить в тяжелом материальном положении местное руководство, распределявшее колхозные блага и допускавшее злоупотребления в свою пользу. Председатель правления одного из колхозов Чаинского района «... зажимал бедноту, называя бедняков лодырями. При распределении доходов Вахрушев своим родственникам и друзьям выдавал на трудодень больше,

а беднякам наоборот меньше»²⁰. Стремясь восстановить социальную справедливость, колхозники проголосовали за исключение неугодного им председателя.

Не обошлось без сведения личных счетов. В колхозе «Труд и знание» Венгеровского района один из колхозников попытался оклеветать односельчанина, обвинив в воровстве зерна. Колхозное собрание встало на сторону обвиняемого, органы правопорядка завели дело на клеветника. В Чаинском районе «вычищенный» председатель колхоза, «разоблаченный» местным активистом Симаковым, решил отомстить, используя своих родственников. Те подали в органы правопорядка заявление, что Симаков «<...> в 1935 году убил лося и не оказал содействие в лечении чесоточных лошадей». При проверке изложенные факты не подтвердились – власти встали на сторону активиста²¹.

Государству удалось добиться поставленной цели – замены неугодных представителей колхозной верхушки более лояльными и обладавшими лучшими деловыми качествами. Вместе с тем колхозный социум оживился, власти сами создали условия для решения внутриколхозных конфликтов так, как того хотели члены коллективов. В случае необходимости они проваливали на голосованиях намеченные кандидатуры, пусть и не всегда успешно. Вместе с тем они смогли снять с занимаемых должностей засидевшихся там односельчан. Чистки колхозов северных районов Западно-Сибирского края в 1936 г. можно считать примером не только административно-репрессивного давления государства на деревню, но и активной жизни внутриколхозных социумов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный выше материал демонстрирует возможность реализации обоих историографических подходов при изучении колхозных чисток в Западно-Сибирском крае. Освещение данного вопроса будет зависеть в первую очередь от подхода самого исследователя и используемых им архивных источников. Кроме того, немаловажную роль играют избранные для исследования периоды: начало 1930-х гг. и время Большого террора, не затронутого в представленной статье, т.е. периоды, связанные с ужесточением административно-репрессивных акций со стороны властей и активным вмешательством государства в колхозный социум. Спад репрессий и ослабление нажима на деревню создавали возможность для колхозников без давления извне регулировать отношения внутри своих коллективов и преодолевать возникавшие в них конфликты. При этом государство могло невольно становиться инструментом их решения. И все же каждый конкретный случай чисток мог иметь свою специфику даже в рамках одного сельского района. На подобное разнообразие деревенской жизни указывают работы по социальной и социокультурной истории. Производ

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 709. Л. 414–415.

¹⁷ Там же. Л. 448.

¹⁸ Там же. Л. 386.

¹⁹ Там же. Л. 419.

²⁰ Там же. Л. 382.

²¹ Там же. Л. 387.

местных властей, подстегиваемый политическим руководством страны, не исключал живого «творчества» колхозных масс, отстаивавших собственные интересы в решении своих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избр. тр.: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.; Ч. 2. 831 с.
2. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.
3. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: [б.и.], 2000. 350 с.
4. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
5. Кедров Д.Г. Лапти сталинизма: политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 376 с.
6. Красильников С.А. Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.
7. Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 225 с.
8. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: док.-моногр. изд. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

REFERENCES

1. Danilov V.P. The history of peasantry in Russia in the XX century: selected works: in 2 vols. Moscow, ROSSPEN, 2011, vol. 1. 863 p. ; vol. 2, 831 p. (In Russ.)
2. Zelenin I.E. Stalin's "revolution from above" after the "great turning point", 1930–1939: politics, implementation, results. Moscow, Nauka, 2006, 221 p. (In Russ.)
3. Ivnitky N.A. The Soviet State repressive policy in the countryside (1928–1933). Moscow, 2000, 350 p. (In Russ.)
4. Fitzpatrick S. Stalin peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: countryside. Moscow, ROSSPEN, 2001, 442 p. (In Russ.)
5. Kedrov D.G. Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the Russian North peasantry in the 1930s. Moscow, ROSSPEN, 2013, 376 p. (In Russ.)
6. Krasilnikov S.A. Sickle and molokh: peasant exile in West Siberia in the 1930s. Moscow, ROSSPEN, 2009, 344 p. (In Russ.)
7. Shevlyakov A.S. Political departments of MTS and state farms: extraordinary party-state governing bodies in agriculture of West Siberia in the 1930s. Tomsk, TSU, 2000, 225 p. (In Russ.)
8. Ilinykh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.) The agrarian policy of the Soviet State and agriculture of Siberia in the 1930s: documentary-monographic edition. Novosibirsk, IH SB RAS, 2011, 608 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2020

Дата рецензирования 27.02.2020

Статья принята к публикации 26.03.2020